

Бродский любил частушки и был веселее своих стихов

Мат. Фонарь: прил. к "Нрицмнтам и фактам" -
 Несколько дней назад у меня раздался звонок. Звонил известный киноактер Лев Прыгунов: "Лена, хотите увидеть интересные фотографии Иосифа?" 1996. - ~4.-сб
 Мы сидим в уютной квартире с множеством картин на стенах (хозяин всерьез занимается живописью и сам художник). На столе много фотографий и книг с автографами Бродского.

КОГДА я узнал о смерти Иосифа, у меня был шок. Никогда не считал себя его близким другом, хотя очень любил его как человека и поэта. В 63-м в одну из московских ночей в гостинице "Украина", куда мы ходили пить кофе и где собиралась в то время вся "золотая молодежь", я познакомился с одним странным, полусумасшедшим человеком - театральным критиком и поэтом с вполне подходящей фамилией Чудаков. Лучше, чем написал Бродский о нем в стихотворении "На смерть друга", не скажешь. Поводом для стиха послужило сообщение о внезапной смерти Чудакова: якобы замерз пьяный ночью в подъезде.

Тогда, в 63-м, мы - я и молодые поэты и драматурги из Ленинграда, Миша Еремин, Леонид Виноградов - оба приятели И. Бродского, - месяц прожили вчетвером в чудаковской комнате. Мы подружились. К тому времени я уже знал все стихи Бродского, обожал их. Личное знакомство произошло в 65-м, я оказался в Ленинграде сразу после освобождения Иосифа. И буквально через пару дней мы встретились с ним на Невском. Я жутко волновался. Но Виноградов успокоил меня слова-

ми: "Я знаю, что вы сразу подружитесь". Так и случилось. Наверное, потому, что у нас в темпераментах было что-то общее. Мы сразу пошли в ресторан отметить встречу, деньги были тогда только у Лившица и у меня. К тому времени я уже много снимался: "Иду на грозу", "Мне двадцать лет", "Они шли на Восток", "Увольнение на берег", "Утренние поезда".

- Что вас потрясло больше всего в Бродском-человеке?

- Ум. Он все понимал, все видел. Нельзя судить о его характере только по его стихам. Вообще он был намного веселее своих стихов. Обожал русские частушки. Хорошо ругался. Делал это даже изящно.

Штабом нашей компании была квартира Леша Лившица (Лев Лосев) - ближайшего друга Бродского - на Гражданском проспекте. Сейчас он заведует кафедрой русской литературы в университете. Что это было за сходки!

Последние годы перед отъездом Иосифа мы все говорили об эмиграции. Мрак в стране был чудовищный. Многие евреи собрались ехать. А русским ехать было некуда. Уехал Роман Каплан, потом за Иосифом Леша Лившиц. Бродский вначале не хотел уезжать. Хотя работать не давали. Стихи не печатали. И в то же время Мюнхенская академия избрала его своим академиком. По-

пулярность его росла. Власть это злило. А тут еще толпы иностранцев, пресса ехали к Бродскому в Ленинград.

- А как семья, родители Бродского переживали драму сына?

- Мне трудно об этом судить. Могу лишь сказать, что взаимоотношения между Иосифом и родителями были прекрасные. Мама была, может быть, несколько сдержанной. Вокруг крутилось много стукачей. Особенно перед отъездом - караулили у дома, подслушивали телефонные разговоры. Жили Бродские скромно. В коммунальной квартире им принадлежали две комнаты. Одна из них была перегороджена на коридорчик, где отец Александр Иванович устроил фотолaborаторию, и... комнату Иосифа. После отъезда Иосифа его отец всегда угощал нас водкой, обожал разные смешные истории о войне. Он был военным моряком и воевал на Азове и Черном море. Несмотря на его почтенный возраст - восемьдесят лет, - я не чувствовал между нами разницы. Последний раз я навестил его за полгода до смерти. Удивительный был человек.

- Говорили ли вы о "ссылном" периоде Бродского?

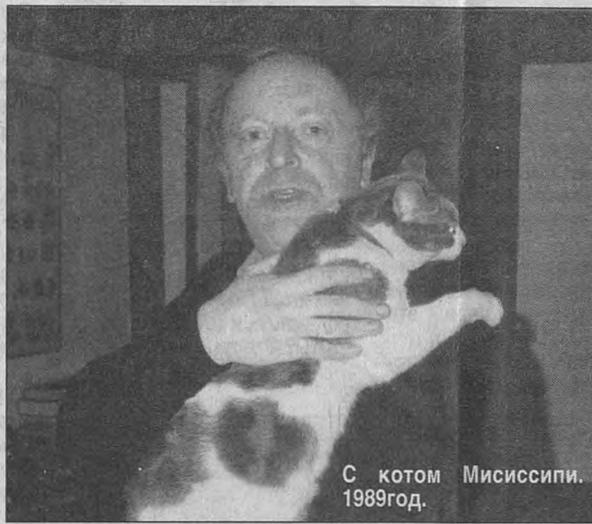
- Иосиф не любил рассуждать на эту тему, а мне неудобно было спрашивать. Знаю только, что там он очень тяжело болел, а ему приходилось грузить мешки.

Через много лет, думал, увижу его в Америке - после всех переживаний, двух инфарктов, сложных операций на сердце - большим, измученным. Но каково же было мое удивление, когда встретил прежнего Иосифа. Я понял, что поэзия - гениальный способ нейтрализации эмоций. У меня сохранились некоторые записи, сделанные в пути (обычных дневников я не веду, но,

когда оказываюсь вне дома и есть время, записываю).

17 января 1974 г. в Киеве. "Сижу в номере, и читаю захлеб стихи Бродского, и плачу. Неужели я когда-то ночевал у этого человека? Слушал его картавый русский и английский, его шутки, анекдоты, пил у него кофе. Неужели за два месяца до его отъезда мы бродили по набережной и открыто говорили об этом (о том, как рвать когти отсюда. - Л. П.)? С самого первого дня он называл меня "Левке". Ему очень нравилось, что я влюблен в его стихи, и нравилось, что я этого не скрываю. Однажды мы проболтали с ним до пяти часов утра. А за окном было уже светло. И мы, опившись кофе, нервно, лихорадочно находили все новые и новые темы. Это было прекрасно. Ося, где ты там? Видел ли ты свою Веронику? Вспоминали ли вы там меня в "пятый день Страстной", через несколько дней после моего дня рождения? Ведь в какой-то степени я виновник вашего романа. Как я помню этот сказочный день рождения. Вероника тогда была в зеленом сарафанчике. Итак: "...В пятый день Страстной ты сидела, руки скрестив, как Буонапарт на Эльбе. И на всех перекрестках белели вербы. Ты сложила руки на зеленую платя. Не рискуя их раскрывать в объятья".

А ведь когда мы прогуливались по Герцена, напротив консерватории, я как раз говорил об этих стихах, что что-то в них не то. Идиот! И как он занервничал: "А в чем, - спрашивал он, - где именно?" - с

точно понятным для меня сейчас раздражением. Я ему привел в пример "Подсвечник" - самое мое любимое тогда стихотворение. "А-а-а... - с легким презрением протянул он, - ну, конечно, вы хотите шедевра. Это в русском стиле..."

А когда его вызвали в КГБ и с большим "нажимом" предложили эмигрировать, он попросил время, чтобы подумать. "Ну конечно, - обрадовались там. - Сколько вам надо?" - "Пять минут", - последовал ответ. Бродский вышел в коридор. Выкурил сигарету и ответил: "Я согласен".

Да, была еще одна замечательная история. Когда Иосиф стал оформляться, то ему никто не хотел давать характеристику. Тогда он позвонил в КГБ и возмущенно спросил: "В конце концов, кому нужен мой отъезд - мне или вам?!"

- Через сколько же лет вам удалось встретиться?

- Через 17. Я смог вырваться впервые в Америку, только когда начало все рушиться, в 1989 году. До этого меня не пускали. Даже на съемки в Италию, Данию и США. Я знал, что увижусь с ним.

Из записок 28 февраля 1989 г. Нью-Йорк. "Иосиф меня встретил как-то даже чересчур трогательно. Я такого приема не ожидал. Все-таки мы не виделись 17 лет. Портрет его очень тронул (написанный Прыгуновым и подаренный Бродскому. - Прим. ред.) и развеселил. Он его повесил рядом с китчевым плакатом Джона Уэйна. И со стороны они оба смотрелись работой одного художника. Говорили мы с ним часа полтора на ночь и минут сорок утром. Говорили с удовольствием и с полным поддакиванием с обеих сторон... А утром он принес прямо в постель поднос с завтраком и кофе".

- Как вам показалось тогда: Бродский думал о возвращении на Родину?

- Тогда он мне ответил, что возвращаться не хочет и не будет. Я был с ним согласен. Ему не позволили похоронить ни мать, ни отца - это в голове не укладывается! И после этого у кого-то хватает наглости звать ли не требовать его перезахоронения здесь, в России.

